
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Александр Хадарцев
(г. Тула)

* * *

Нет в юбилеях ничего хорошего!
Еще десяток лет скользнули мимо.
Как будто жизнью нам перчатка брошена,
хоть эта жизнь была всегда любима.

У времени — оружие бесстрастное:
отчетливость в зеркальном отражении.
Но возраста — старания напрасные!
Потерпит он, бесспорно, поражение!

Негласно — чудеса еще встречаются!
Ведь молодость — в поступках отражается!
В бурленье дел — нам некогда покаяться!
Чуть-чуть грешить — ей Богу, разрешается!

Нет возраста! Особенно — у женщины!
Она всегда в девическом цветении!
Навеки с юным возрастом повенчана.
Не юбилеи с ней, а дни рождения!

**НЕТ БОЛЬШЕ В ЖИЗНИ БРЕМЕНИ,
ЧЕМ ЖИТЬ ЗАКОНОМ ВРЕМЕНИ!!!**

Восточный календарь идет от Будды,
животным подарившему года.
Змеиный год, проблем создавший груды,
безмолвно уползает в никуда...

Год Лошади идет ему на смену —
в немолчном ржанье, в цокоте копыт,
суля рутинной жизни перемену
и то, что джокер* жизни будет бит!

Для нас рутина — ворох потрясений,
ложь обещаний, денежный обвал,
жовто-блакитный прапор столкновений,
и чей-то, вновь творимый пьедестал!

Пусть будет битым «джокер жизни минус»!
Пусть найдется «джокер жизни плюс»!
Нельзя Россией торговать навывнос,
влача с собой ошибок прошлых груз!

Пусть лошадь будет белой, черной, синей!
Но пусть она приходит в каждый дом
богатой, сильной, праведной Россией,
с историей, которую пойдем!

Пусть будут изобилие и радость!
И никогда — фонтанов горьких слез!
С подковой счастья — пусть пройдет усталость!
А детям — улыбнется Дед Мороз!

Подарками мы станем друг для друга!
Коней дареных подошел черед!
Пустив ведро шампанского по кругу,
вступаем в Новый, Лошадиный Год!

МЕДИНЦЕНТРУ — 65

История — это личность!
А в личности — вся история!
Живем мы, презрев наличность,
а безналичность — тем более!

Уходит земное время
вектором невозврата...
Но хочется: ногу в стремя
и — полный вперед, ребята!

Не зря прилетел наемни
из космоса метеорит.
Узнав про земные бредни,
у Бога башка болит.

* *Джокер* — (англ. *joker* — шутник) фактор, возникающий внезапно и меняющий вектор состояния системы. Правила, по которым работает система, выходя за пределы стационарных режимов.

Сигналит он нам оттуда:
«Кончайте шалить, друзья!
Ведь жизнь — это в завтра ссуда
и с нею шутить — нельзя!»

Не в долларах и не в центах
грядет перепутье лет.
Ученый совет Мединцентра —
не ВАК-овский диссовет.

Ученые РАМН'а и РАН'а,
и мы, примкнувшие к ним,
пусть это не кажется странным,
считаем Совет — своим!

Нам хватит и индексов Хирша,
и факторов, тех, что «импакт»!
Пусть только «не едет крыша»!
С наукой — не рвется контракт!

Не будучи дипломатами,
любой из нас — дипломат!
Хоть жизнью изрядно помятые,
но — не переходим на мат!

Пусть только придут не однажды
еще шестьдесят плюс пять!
За это — пусть выпьет каждый,
кто рюмку умеет держать!

И мы, не пугаемся порчи,
не льем друг на друга елей!
Пускай Мединцентр и Вигдорчик
на сотый зовут юбилей!

8 МАРТА

Как хорошо, что мы — не «майданутые»,
что к женщинам стремленье — не утрачено,
что наши стержни жизни — не согнутые,
что наши мысли в сайт чужой — не скачаны!

Весна приходит, вопреки сомнениям!
Главенство стужи ветреной — утрачено.
Восьмого марта — женский день рождения,
которым все мужчины озадачены.

Подарки и цветы — как приложение
к идее возвеличиванья Женщины!

В мужских сердцах любовь и восхищение —
давным-давно и накрепко повенчаны!

Как хорошо, что звон бокалов слышится,
что тосты за здоровье — не кончаются!
Что раннею весной — арбузно дышится,
что «инь» и «ян» на празднике встречаются!

* * *

Что хорошо тебе — другим, быть может — плохо!
Все субъективно в мире перемен.
Судьба ведь тоже — личная эпоха,
в конце которой вечный дух и тлен...

Обманка лжи, предательства короста —
в превратностях судьбы воплощены.
Но есть друзья! А с ними в жизни — просто.
В них — объективность видеть мы должны!

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
(Стихотворное переложение)

Наш давнишний автор. Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Прославил Александра ратный труд.
Прознал о нем самодовольный Запад.
Враги Руси
при встречах
руку жмут
с почтением ему в посольских залах.
Враги
Руси,
где православный дух
гудел колоколами
и ветрами.
Где князь великий
и простой пастух
молились
бескорыстными перстами.
Из уст
слова
хвалебные лились,
где Александра
называлось имя.
Но, где Европа —
там всегда корысть.
Но, где Европа
там всегда гордыня.
И шведы
устремились
на Неву
и объявили
Александрю шведы,
что северные земли оторвут,
себе пророча
полную победу.
Был флот силен.

И было войска тьма.
И посему
был враг
самонадеян.
Но верил князь
в небесные грома,
карающие
всякого злодея.
И став в молитве
тверже и сильней.
среди стен церковных обрета отраду,
сказал дружине
небольшой своей:
«Бог с нами, братья!
Мы идем за правду!»
И в ночь
перед боем
видел страж Филипп
видение
меж волнами
и небом,
как по морю
на помощь русским
шли
посланники Христа
Борис со Глебом.
Об этом чуде —
о святых князьях
Филипп поведал утром Александру.
Окрепла вера
у того в глазах,
что Бог
поможет
всыпать шведам жару.
И поспешил он
с этой верой
в бой.
И гром пошел вокруг
с мечей и копий.
Бежали шведы
смятою гурьбой,
теряя честь
меж морем и рекою.
С Невы
над головами развевал
знамена русской силы
ветер резкий.
Хваля Творца
Среди воинов стоял
Князь Русской славы
Александр Невский.

* * *

Прошло два года.
Немцы взяли Псков.
Но Александр
выгнал их из Пскова.
Собрав войска
из меченосцев-псов,
на Русь пошли они нахально снова.
На озере Чудском
их Невский ждал,
запрятанных
в свое железо глухо.
Ударил с флангов.
Лед гудел, стонал,
разламывался,
как в руках краюха.
И шли на дно
захватчики в броне.
Был лед кровав
сраженьем пропитавшись,
И крестоносцы
развернув коней,
бежали прочь
с земель исконных наших...

* * *

Враги страны —
Вдали или вблизи
Ее б хотели
Извести в отрезки.
Но у народа
На Святой Руси
Всегда найдется
Александр Невский.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ
(Вольный перевод со старославянского)

*Государственной Академии
Славянской Культуры*

О Борисе и Глебе
Мой негромкий рассказ.
Отслужите молебен
И за них, и за нас.
Век я выбрала давний,
Жил тогда, гой-еси,
Князь Владимир Преславный,
Просветитель Руси.
Он крестился не сразу,
Был язычник,— потом
Выбирал меж намазом
И Пресветлым крестом.
Многих жен возлюбивший
Усомнился сперва,
Но премудростью высшей
Осенилась глава.
Был горазд и подраться
Взявший княжий венец,
И взрастил он двенадцать
Сыновей под конец.
Вечно ссорясь, орава
Шум творила с того...
Очень разного нрава
Были дети его.

Между ними Владимир
Поделил города,
И решил, что отныне
Тихо будет всегда.
В Пинске княжить поставлен
Смуглый, мрачный лицом,
Святополк Окаянный,
Нелюбимый отцом...

А во граде Ростове
Поселился Борис.
Был толков, многословен,
Сердцем светел и чист.
Глеб отправился в Муром.
Он, Борису под стать,
Добрый был и не хмурым,
Как болгарская мать.
Новгородской землю
Править стал Ярослав.
Мудрым назван молвою,
Духом князьим неслаб.
Князь их рассредоточил
По владеньям своим,
И в спокойствии отчем
Зажил, всеми любим.
Годы мчались в разбеге,
Стал он болен и стар,
Дождались печенеги,
Вновь занялся пожар,
И Владимир Борису
Призывает помочь.
Путь военный не близок,
Там и день, там и ночь.
Печенеги, однако,
Разбежались в степях.
Видно, были вояки
Не за риск, а за страх.

Со своею дружиной
И полками отца
По степи все кружил он
До приезда гонца...
И поведал посланник,
Что преставился, свят,
Князь Владимир, избранник,
Много суток назад.
Но коварное дело
Совершил Святополк:
Он отцовское тело
Вдруг похитил, как волк.
Плачут все киевляне...
Святополк подошел,
Сел он без оснований
На отцовский престол,
И, конечно, на случай,
Рассудил, как умел:
«Много братьев — не лучший
В мире нашем удел».
Не хотел он отдать им

Власти либо казны,
И поэтому братья
Были обречены.
Это в сене иголку
Не сыскать — не берись.
На призыв Святополка
Много вспряло убийц...
Не найдя печенегов,
Скорбной вестью сражен,
Вел Борис до ночлега
Тех, кем властвовал он.
Воины удалые
Подступали: — О-юй!
Князь, веди нас на Киев,
И престол завоюй.

А Борис тем ребятам
Отвечает опять:
«Не могу я на брата
Злобно руку поднять...»
И дружина, скучая,
По домам разбрелась: —
Очень-де не отчаян
Наш доверчивый князь.
Только несколько самых
Верных князю людей
Не покинули знамя,
Ждали злобных гостей.

Молитва Бориса

«Господи, чувствую я, —
Нет мне спасения...
Что же природа Твоя
Юно-весенняя?
Как же река все струит
Воды бездонные,
И голоса соловьи
Неугомонные?
Небо-то!.. ярче, синей,
Жизни исполнено...
Сколько осталось мне дней,
Все ль остановлено?
Знаю, готовит мне брат
Гибель нещадную...
Господи, я ль виноват
В том, что столь жадный он?
Господи, волей Твоей
Быть мне смиренником,
Грешного брата, скорбей
Жертвенным пленником...»

Ночью вышли убийцы,
Окружили шатер,
Где Борис-князь молился,
Зная свой приговор...

Но врагов не смутили
Звуки пенья псалмов,
И, убив без усилий,
Завернули в покров.
Святополк убедился
В том, что умер Борис.
Окаянные мысли
Дальше вскачь понеслись...
И добрейшему Глебу
Отослал он письмо:
«Наш отец близок к небу,
Возвращайся домой».
Глеб поехал в тревоге...
Все прознал Ярослав,
Глебу пишет с дороги,—
Святополк, мол, не прав.
Он обманщик, вражина,
И Бориса извел.
Уводи-ка дружину
В путь обратный ты, мол...
Глеб, ужасно страдая,
Слезы пролил о том,
Но судьба его злая
Приближалась, как гром.
Стал, несчастный, молиться,
И о жизни скорбел,
Той, которой убийцей
Был назначен предел.

Молитва Глеба

«О, Боже мой, за что,
Незрелый колос,
Я должен быть сражен
Серпом лихим?
Услышь, Господь,
К Тебе воззавший голос,
Прости мои и братнины грехи.
Склонись ко мне,
Бориса тень святая,
Укрой меня от брата и врага,
Я — юный цвет,
Не дал еще плода я,
И жизнь моя
Еще мне дорога...

Но вижу, что
Никто не хочет слушать
Моей мольбы
И жалоб, и молитв.
Возьми ж, Господь,
Страдающую душу
И унеси от всех
Грехов и битв».

Тут бесчестным убийцей
Был удар нанесен,
И не дал домолиться
Князю юному он.
Святополк Окаянный
Был уверен, что прав,
Но, грозой обуянный,
Налетел Ярослав.
В гневе, яростной сече,
Был он смел и удал,
Оттого, вишь, под вечер
Святополк побежал.
Он в никчемной пустыне
Потерялся для всех,
И возмездие принял
За неистовый грех.
В граде Киеве правил
С той поры Ярослав,
И востала во славе
Русь меж прочих держав.
А Бориса и Глеба
Отыскал он тела,
И нетленными небу

Их земля отдала.
Век за веком струится,
Спят святые князья,
Но к двойной их гробнице
Пролегает стезя,—
Тот, кто болен и страждет,
К ним приходит, стремясь,
И по вере там каждый
Обретает, молясь.
О Борисе и Глебе
Я сложила стихи.
Отслужите молебен
Им — за наши грехи.

Владимир Трусов

(г. Мончегорск, Мурманская обл.)

Член Союза писателей России. Автор книг: «Автопортрет углем» Стихотворения, издательство «Опимах» г. Мурманск, 2010 г.; «Памяти исчезающих видов», стихотворения разных лет, издательство «Опимах», г. Мурманск, 2010 г.; «Станция DNO», избранная лирика, издательство «MOBY Publishing», г. Москва, 2013 г. Публиковался в журналах: «Север» г. Петрозаводск (№ 1—2 и № 7—8 за 2011 г.), «Осиянное слово» г. Москва (№ 3 за 2012 г.), «Приокские Зори» г. Тула (№ 4 за 2013 г.)

ОСЕННЕЕ БЕСПРИЮТНОЕ

На задворках сентября
Хохлома и гжель.
Через месяц, растеряв
Щедрых сторожей,
Приносивших на базар
Фрукты Гесперид,
Осень выплачет глаза
И дотла сгорит.

Вот тогда наверняка
И зиме пора
(То ли прямо из мешка,
То ли из ведра)
Рассыпать по целине
Крошево тоски
И тоской тебе и мне
Серебрить виски.

Или сбагрить под сукно
Грязь невинных лет.
И надежду (все равно
Что озимый хлеб)

Оставлять на черный день,
Иссушив сердца
Неустроенных людей
Верой в чудеса.

А потом сходить с ума
От самой себя
И раскачивать дома,
Воя и трубя

В продувных параднях;
И встречать рассвет,
Убаюкав на руках
Наш пропащий век,

Где душа белым-бела,
Только извелась.
И любовь (поскольку зла)
Мигом отдалась

За двадцатку нерублей
Ради пары строф.
Так значительно теплей
Без угля и дров.

К СЛОВУ

Я живу потому, что когда-то рожден,
И господь меня, грешного, терпит покуда.
А еще оттого, что любовь (убежден!) —
Это все-таки самое главное чудо.

Не снискал я регалий и прав не качал:
Обрету всенародную, дескать, известность.
Ибо чтящему слово началом начал
И наградою может быть только словесность.

* * *

Не прощай нам, Господи, ничего!
И когда десятком на одного,
И когда один супротив толпы,
И когда кривые плодят слепых,
Обещая, будто начнет светать.
И когда распродана красота.
(А чего жалеть, все равно сгнойт!)
Коль не оскудеет рука твоя,
Наши не отсохнут. Давай еще!
Убивали, грабили — нипочем!
Крашеными яйцами по зубам,
Да тремя перстами в коросту лба,
И пошло-поехало! Рви гармонь!
Ковыряла гвоздиком си-бемоль
Перепонки хилые детворе.
Занялась лампадою на воре
Царская корона. Пожар слегка

Тронул сивый валенок парика
Горечью легенды о целине.
И любовь скребла прошлогодний снег,
Вычисляя рта онемевший ноль.
Колосились мертвые за спиной.
Заварило солнышко иван-чай.
Ничего мне, Господи, не прощай!

КЛАССИЧЕСКАЯ МЕХАНИКА

Выскажусь лишь о следствиях, а причины —
Хлеб аналитиков цепких, порою — злющих...
Взлет — это средство разгладить земле морщины,
Хоть виртуально, а все же пространство сплющив,
В жизнь воплотив иллюзию волшебства.
Впрочем, а что еще более иллюзорно?
От впечатлений кружится голова.
Только уже поэтому не зазорно
Числить внизу оставшихся мелюзгой,
Напрочь лишенной размеров и очертаний.
Для таковых, естественно, ты изгой,
Но приговор до времени держат в тайне,
Ибо вообще горячку пороть не след.
Небо — оно воистину справедливо.
После Икара стая его коллег
Крылья в стремлении к солнцу дотла спалила,
Да и в забвение канула. Неспроста
Равно идейным подвижникам и туристам
Втридорога обходится высота.
Вот почему, наверное, группа риска
Численно ограничена. Рухнуть вниз
(Если бы камнем! — просто ошметком глины),
Преподавая смирно лежащим ниц
Краткий урок неведомой дисциплины,
Мало кому охота. Рассудит Бог
Нас и решивших, будто сгореть красиво
Лучше, чем ошиваться среди рабов
С детства знакомой, даже законной, силы.

МОЛЬБА

Забудь меня еще тогда,
Когда нас не было на свете,
Когда ни страха, ни стыда
Не испытали наши дети
И ты не знала пьяных драк
И вечной боли унижений,
И я, мерзавец и дурак,
Тебе не делал предложений!
Забудь! Мольба не звук пустой!
Великим ласковым созданьям

Своей несметной красотой,
Своим отважным состраданьем
Негоже потакать зверью.
И я, не склонный к птичьим трелям,
В однажды начатом бою
С самим собой — уже застрелен.

* * *

Царство вечных вещей.
Мир бетонных пещер.
Лабиринта стандарт.
В тесноте пустота.
Околел Минотавр
Неизвестно когда.

Средь житейских морей
Ариадне стареть,
Проклинать берега,
Где афинский плейбой,
Обещая любовь,
Ей наставил рога.

Будни острова Крит:
Тараканов морить
Да соседей гонять.
От гнилого вина
Два родимых пятна —
Суэта и брехня —

Только пуще цветут.
И всегда тут как тут
Олимпийская рать,
И не бог, так герой,
Все одно — домострой,
Где ж других понабрать?

Размышлять не берусь.
Здесь со всеми Прокруст
Позабавился власть.
Лишь старик Диоген
На короткой ноге
С предержавшими власть.

Век живи, век учись.
И постель, и харчи
За ошейник раба.
Дернешь цепь — не порвать.
Сам такую ковал.
Ах ты, дура-губа...

* * *

Знаешь, несчастья
не происходят вдруг.
Кажется только... А глянешь — и ждать устали
Случая рокового, о чем вокруг
И тархтят, смакуя всю детали.

Всякий подобный случай, что твой пацан,
Начисто потерявший былую скромность,
Ибо назначен шляться по адресам,
Определяемым дядькой, чье имя — Хронос,

(Где уж там справедливо!) почти любя,
С явным намеком в каждой такой потере,
Нам, загоняющим в землю самих себя,
Не торопиться с этим, по крайней мере.

* * *

Топтали... рвали... шили... штопали...
Кипела вздорная молва:
«Три на Плющихе росших тополя
Уже пустили на дрова
В борьбе с эмоциями ложными!»
И мы, мальчишки-смельчаки,
В итоге стали осторожными
И прикусили языки,
Считаясь с первыми потерями.
При полных, в общем, закромах
Глухими пыльными тетерями
Ютясь в постылых теремах.

МАРШ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА

Пусть о тебе и обо мне
Иные лишь пожмут плечами:
«Что, дескать, проку в той войне?
С какой бы радости-печали
Тревожить прошлое теперь,
Когда своих забот хватает?»
Да только боль былых потерь
Сквозь годы в сердце прорастает.

Речь не о лаврах и цветах
И не о пригоршнях салюта —
О тех, кто, сгинув на фронтах,
Лишен последнего приюта!
Едва ли наша в том вина...
Ответ, присущий посторонним.
Нет, не окончена война,
Пока солдат не похоронен!

И если память под ружьем,
Судьбу в обозе не пристроишь.
И нам смертельный медальон
Дороже всяческих сокровищ
Вдруг расшифрованной строкой —
Души нетленной изваянем!
Неси ей (Господи!) покой
Наш поиск — наше покаянье.

Он для тебя и для меня
Стал чередой рукопашных.
Мы вновь на линии огня!
Во имя без вести пропавших!
Во имя нынешних живых!
Во имя всех идущих следом
Дорогой мирных штыковых
Навстречу будущим победам!

ПУНКТИР

Осень. Ни ночи, ни дня.
Ни убежать, ни вернуться.
Даже кукушка в часах,
Сколько мне жить, не ответит.

Кухонный мой монастырь,
Пасынок русского поля.
Да и варшавское гетто
Где-то поблизости строят.

Самый обычный театр,
Виселица в прихожей.
Странно, когда на кресте
Крылья мечтают расправить.

Цепкая поступь свободы
Именно здесь ощутима:
Шаг (на четыре звена)
В ритме кандалной цепи.

Вдруг оказавшийся нищим,
Ветер затравленно стонет
И набивает карманы
Памятью павшей листвы.

Сотни изношенных лиц,
Стертые в пальцах монет.
Сходство особых примет
В полном отсутствии оных.

Вечные стужа и тьма.
Не разбирая дороги,
Просят огня батальоны.
Не о чем больше просить.

Свой средь своих и чужих.
Шапка (вестимо) по Сеньке.
Не задымит, не займется;
Да и поджечь не посмеют.

Вновь тишина поперхнулась
Крошками черствого сердца.
Более крепким соседям
Не возбраняется спать.

Слушай! И не говори,
Будто не слышал. Иначе,
Вслед за утраченным слухом,
О языке позабудь.

Подлая штука — печать.
Вечная мель трафарета.
Прописью, прописью, брат;
Зыбкий, неведомый путь.

Только избитый капелью,
Соображать начинаешь,
Как над тобой посмеялась
Вскрывшая вены зима.

ВРОЖДЕННАЯ ПАМЯТЬ

Кто носит Родину внутри...

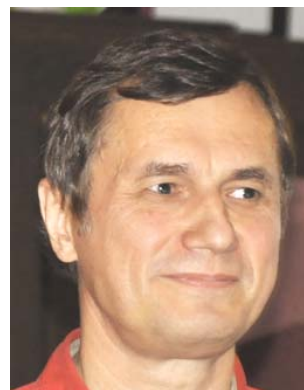
Елена Штурнева

Знать завидная доля досталась мне,
Коль до сей поры еще жив-здоров.
Жизнь, конечно, зануда, но не вполне,
Есть любимое дело, семья и кров,
И друзья, что братьев иных родней.
Нас великая пестовала страна,
И о том, что было и будет с ней,
Есть врожденная память, на всех одна.
Эта память — совести ипостась.
Обладая оной, попробуй, струсь
Возразить доброхотам (чтоб им пропасть!),
Отрицающих наглухо имя — Русь.
Дескать, вся насквозь она — прах и тлен,
А народец — кабацкая рвань да пьянь,
Что и прежде-то встать не могла с колен,

А сейчас тем более! Гулевань
Да святыни гнилые пинай-топчи,
Возражения прочих смести спеша,
Мол, довольно лаптем хлебали щи!
Словно туфлей луковый суп мешать
Нам всерьез мечталось с молодых ногтей,
(Кто бы чем там импортным не форсил!)
Только знают иуды любых мастей,
На Руси хватает для них осин.
Оттого-то им здесь белый свет не мил.
И не в радость, не впрок серебро в горсти.
Ишь, как рвется сытый свободный мир
Нам готовое счастье преподнести
И лишить нас памяти и тоски,
Дабы впредь, милейшие существа,
Мы кромсали Родину на куски,
По указке известного меньшинства,
За известную цену. Глядишь, а там
И друг дружку повывели б заодно...
Но покуда в сердце есть Божий храм,
Хоть церквушка — обыденка, все равно,
Переможет русский, переживет
Лихолетье, напасти, засилье зла.
Ведь от века в обнимку с бедой народ,
А душа его, в пику всему, светла,
Ибо лишь православия теплый свет
От звериных повадок спасает нас.
И Господь (восславим его завет!)
Никому не по силам креста не даст.

Анатолий Пережогин
(г. Москва)

Анатолий Афанасьевич Пережогин родился 19.03.1954 г. в г. Томске. Выпускник Московского инженерно-физического института. Профессор Московского государственного открытого университета. Поэт, эссеист, журналист. Член Союза писателей-переводчиков МГО СПР, заместитель Председателя Королевского отделения межрегиональной общественной организации содействия развитию культуры и искусства «Содружество Творческих Сил», член литературного объединения «Складень» при Международном Фонде славянской письменности и культуры. Автор, постановщик, исполнитель ряда музыкально-поэтических спектаклей в содружестве с замечательными поэтами и музыкантами-виртуозами. Дипломант (I степени) литературной премии Г. Р. Державина за 2012 год. Награжден медалями «За заслуги в культуре и искусстве», «Александр Пушкин», «50 лет космонавтике». Заслуженный литератор «Содружества творческих сил».

**НА ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ
Е.А. БАРАТЫНСКОГО И Ф.И. ТЮТЧЕВА
В МУРАНОВО**

Блажен, кто посетил сей дом
Хоть раз. Счастливые мгновенья!
Здесь сохраняет каждый том
Следы былого вдохновенья!

Из окон — поле, речка, лес...
О, память! Множество чудес
В вещах, бережно хранимых,
Для душ возвышенных, ранимых!

И в лицах, что глядят с портретов,
Горит нетленный мягкий свет.
Слетит налет пустых наветов —
Получите простой ответ

На свой вопрос: «Жива ль Россия?»
Березками ль она красива?
Мы сможем возродить ее
Иль все погубит воронье?

Рабочие столы — бок о бок! —
Двух поэтических столпов
Выводят нашу жизнь из скобок
Под своды неба — без оков!

Как будто бы объятья друга
Здесь живописная округа
При встрече поджидает вас —
Здесь пламень духа не погас!

Прошу вас, убедитесь в том:
Блажен, кто посетил сей дом!..

ПУШКИНСКИЙ СНЕГ

*Хорошо! Вот это мне и нужно.
В этих шапках как будто собрана
вся зимняя тишина.*

М. А. Булгаков
(по воспоминаниям К. Г. Паустовского)

Как-то ближе к весне, в тихий, солнечный день,
К нам на станцию Пушкино прибыл писатель.
Для чего из Москвы ему ехать не лень?
Для романа* — так золото ищет старатель.

Хоть не очень-то грела худая доха,
Он бродил целый день, пока тропка виднелась.
И сказал, словно выдохнул строчку стиха:
«В снежных шапках — покой. Мне его и хотелось»

Эти снежные шапки лежали везде:
На заборах, на крышах, скамейках и ветках,
На замерзшей в кадучках осенней воде.
Да, такое в столице встречается редко.

А могло показаться: бродил просто так.
Но заметил серьезно сметливый свидетель:
«Нет, не просто ходил и смотрел он. Мастак!
Знать, талантлив, коль здесь красоту заприметил!»

И сегодня, и в будущем добрый читатель,
Погрузившись в роман — в тот, которому век,
Восхитится, как слитку — счастливый старатель.
Но сверкнет там не золото — Пушкинский снег!

* «Белая гвардия».

Игорь Мельников
(г. Тула)

БЫТЬ ПРОСТЫМ

* * *

Над поселком тучи ватные.
В подворотнях ветра свист.
Не обнимешь необъятное,
Даже если ты — турист.

Пребывая в одиночестве,
Поднатужься и пойми
Смысл слова ПЕРЕХОЧЕТСЯ,
И к желаньям примени.

До Вселенского охотники
Не всесильны, так и знай!
Если ты не Федор Конюхов,
Об обыденном мечтай:

Приползти с работы в пятницу.
Пива с воблюю попить.
И о прошлом не печалиться,
О великом не грустить.

...Скоро полночь. Спать желательно.
Но по Млечному пути,
На придуманном фрегатике,
Хорошо тебе идти.

ДОЛГ

Твои стихи должны вещать!
Намеки — дело анекдотов.
Не надо глупость защищать —
Сие не пыльная работа.

Твои стихи будить должны!
А убаюкивать негоже,
Покуда ночь твоей страны
На предвоенную похожа.

* * *

«Туда-туда, туда-туда,
В далекое и близкое!» —
Твердят упрямо поезда,
Стальные рельсы тискают.

«Постойте! — говорю им я:
— Ну, что еще за надобность,
В чужие дальние края,
Вагоны перетаскивать?»

Зачем спешить из пункта А
До захолустной станции?
К примеру, надоел вокзал —
Мы сменим декорации!

Не лучше ли остаться тут,
Где лето начинается?»
Но поезда опять идут
И шар Земной вращается.

БЫТЬ ПРОСТЫМ

Нет, быть простым — не значит простеньким.
А я простой, я из крестьян.
Мне пес бродячий машет хвостиком.
Мне буйный ветер, как дурман.

Да, я мастак на фразы колкие,
А вот о чувствах не скажу.
Я брагою, вокруг да около,
В рубашке беленькой брожу.

Летают птицы — залюбуешься!
Цветет рябина — красота!
«Душа, ну что ты так волнуешься?
Твоя печаль совсем не та,

Что ходит гордая, надменная», —
Так свою душу утешал...
Открыл окно, за ним Вселенная
И день, что до смешного мал.

ГЛАВНОЕ

О чем писать, ведь все давно написано?
О чем сказать? Все сказано до нас.
Как егеря, идем по следу лисьему.
Под зимним небом — серым, без прикрас.

И как до неба нынче до Поэзии.
Семь верст, да все густой замшелый лес.
Прошел его — и сам покрылся плесенью,
Но приобрел значение и вес.

...Не потому словесность наша славная
Неинтересна людям, что бедна.
А потому, что выбросили главное.
Остались: гонор, желчь и болтовня.

ИНАЧЕ ГОВОРЯ

Тут окно и там одно.
И за каждым чьи-то планы,
Мысли, книги и стаканы,
И столовое вино,
Ругань, чтение букваря,
Детский смех, седая старость,
И любовь, и счастья малость...
Жизнь, иначе говоря.

Олег Севрюков
(г. Москва)

Родился 25 января 1954 г. в г. Липецке. Окончил кафедру кристаллографии Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Лауреат премии Ленинского комсомола, кандидат технических наук. В настоящее время доцент НИЯУ МИФИ, Москва. Член Союза писателей России, Творческого клуба «Московский Парнас», Академии российской литературы.

НОВЫЕ БЕСЫ

Тьма кругом. Ни зги не видно.
Кто мы? Где мы — не пойму.
Очень больно и обидно,
Что попали мы во тьму!

Где начало? Где конец? —
Хоть бы звездочка-другая...
Что подарит нам Творец?
Иль отправит в ад из рая!..

Было солнце, яркий свет
До какого-то мгновенья:
Ничего в помине нет —
Тьма и острые каменья...

Странный хохот, странный вой,
Шелест, шум, шуршанье, шепот...
Крыльев свист над головой,
Приближающийся топот...

Не понять, куда податься.
Боже правый — пронеси!
То ли сникнуть, то ль подрасться?
Ох, помилуй и спаси!..

Но все ближе, ближе топот
Руки, ноги — как свинец
И все глуше жалкий ропот,—
Может, впрямь всему конец...

В ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

С улыбкой на зубах и с кукишем в кармане
Проходит по Земле manager'ов отряд —
Что будет после них, и что случится с нами —
Не ведают они, не знают, что творят!

Когда же час придет, представ перед Всевышним,
За все свои дела *нагим* держать ответ,
Кармана не найдя, тот кукиш станет лишним,
Но зубы подойдут. Чтоб ухватить билет —

Бесплатный навсегда с печатью: «Направленья
Туда, откуда нет исхода никому».
Пред чем любое ниц падет воображенья,
Поскольку глубины не одолеть ему.

И вновь они пойдут, но только без улыбки
По прихоти Судьбы лишённые ума,
Качнется шар Земной, изменчивый и зыбкий,
И скроет Солнце лик. И воцарится тьма!..

* * *

О вы, влагатели перстов
В чужие раны!
Вы, потрясатели основ
С телеэкрана!

Певцы разнузданных свобод
До омерзенья,
Толкающие свой народ
К грехопаденью.

Вы поменяли столько вер —
Не счесть по пальцам!
Лежит распятый Гулливер
На ваших пяльцах —

Все норовите вы ему
Глаза заштопать,
Чтоб, ввергнув навсегда во тьму,
В ладоши хлопать!

Но каждого из вас судьба
С одною схожа —
Сотрете вы клеймо раба
Лишь вместе с кожей!

* * *

Поруху этих дней не превзойти, друг мой,
Как не избыть судьбы безумных откровений.
Скитаюсь меж людей, не понятых собой,
Но чающих любви и неземных стремлений.

И в жуткой тишине — душе ответов нет.
Есть только шепоток отжившего злословья,
В котором только я могу найти привет,
Граничащий с тоской, объемлемой любовью.

* * *

Тщеславие, гордыня, суета,
Желание себя увековечить,—
О, славословья звон и пустота!
Легко ты можешь душу изуевчить.

Когда к твоим ногам кладут дары,
И льются сладкозвучные напевы,—
То, кажется, неведомы пределы
Для этой восхитительной игры...

Но стихнет гул, уймется маета,
Рассыплется твоих «друзей» орава,—
И не спасет тебя земная слава,
И жизнь твою поглотит пустота...

* * *

Когда придешь, мой друг на Страшный Суд
Тебе сосуд с грехами принесут,
Тебе зачтут и помыслы, и страсть,
Что состоялась и оборвалась...
Тебе придется, друг, держать ответ
За все, что было в мыслях или нет,
.....

За все незавершенные дела,
За жизнь твою, сгоревшую дотла...

* * *

Что жизнь одна? Всего листок
В безмерном численнике Бога,
И велика ль она, убога —
Движенья пальцами — итог...

